

Заключение

В целом, диверсификация промышленности дает новые возможности предприятию увеличить объем производства, повысить прибыльность и рентабельность предприятия в регионе, путем минимизирования рисков производственной деятельности.

Библиографический список

1. Бригхем Ю., Гапенски Л. Финансовый менеджмент. – СПб.: Экономическая школа, 1997. – 669 с.
2. Ансофф И. Стратегическое управление. – М.: Экономика, 1989. – 520 с.
3. Томпсон А.А., Стрикленд А.Дж. Стратегический менеджмент. Искусство разработки и реализации стратегии. – М.: Банки и биржи; Юнити, 1998. – 576 с.
4. Маркова В.Д., Кузнецова С.А. Стратегический менеджмент: Курс лекций. – М.: ИНФРА – М.; Новосибирск: Сибирское соглашение, 2002. – 288 с.
5. Алимбаев А.А., Айнабек К.С. Основы управления рыночной экономикой: монография. – Караганда: Болашак – Баспа, 2002. – 340 с.
6. Азоев Г.Л., Челенков А.П. Конкурентные преимущества фирмы. – М.: ОАО «Типография «НОВОСТИ», 2000. – 256 с.
7. Воронов А. Кластеры – новая форма самоорганизации промышленности в условиях

конкуренции // Маркетинг. – 2002. – № 5. – С. 37-43.

8. Зиядин С.Т. Некоторые проблемы развития малого предпринимательства в Казахстане // Деньги и кредит. – 2014. – № 6. – С. 72-74.

References

1. Brighem Yu., Gapenski L. Finansovyi menedzhment. – SPb.: Ekonomicheskaya shkola, 1997. – 669 s.
2. Ansoff I. Strategicheskoe upravlenie. – M.: Ekonomika, 1989. – 520 s.
3. Tompson A.A., Stricklend A.Dzh. Strategicheskii menedzhment. Iskusstvo razrabotki i realizatsii strategii. – M.: Banki i birzhi. Yuniti. 1998. – 576 s.
4. Markova V.D., Kuznetsova S.A. Strategicheskii menedzhment: Kurs lektsii. – M.: INFRA-M.; Novosibirsk: Sibirskoe soglasenie, 2002. – 288 s.
5. Alimbaev A.A., Ainabek K.S. Osnovy upravleniya rynochnoi ekonomikoi: monografiya. – Karaganda: Bolashak-Baspa, 2002. – 340 s.
6. Azoev G.L., Chelenkov A.P. Konkurentnye preimushchestva firmy. – M.: OAO «Tipografiya «NOVOSTI», 2000. – 256 s.
7. Voronov A. Klasteriy – novaya forma samoorganizatsii promyshlennosti v usloviyakh konkurentsii // Marketing. – 2002. – № 5. – S. 37-43.
8. Ziyadin S.T. Nekotorye problemy razvitiya malogo predprinimatel's'va v Kazakhstane // Den'gi i kredit. – 2014. – № 6. – S. 72-74.



УДК 33:301.301151(571.15)

М.Б. Максимов, М.И. Черепанова, С.Г. Максимова
M.B. Maksimov, M.I. Cherepanova, S.B. Maksimova

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ
 СУИЦИДАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ
 (НА ПРИМЕРЕ ИССЛЕДОВАНИЙ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ)**

**SOCIAL-ECONOMIC AND SOCIAL-PSYCHOLOGICAL FACTORS OF SUICIDAL BEHAVIOR
 (THE CASE STUDY OF THE ALTAI REGION)**

Ключевые слова: социально-экономические условия, суицидальное поведение, факторы суицидального риска, социально-экономическое благополучие, уровень жизни.

Представлены основные данные социально-экономического благополучия населения, обуславливающие особенности распространения суицидального поведения; причин социального, экономического и иного характера, способных оказать влияние на развитие суицидальной ситуации в Алтайском крае. Приведен теоретический материал о социально-экономических детерминантах

суицидального риска. Дана комплексная оценка смысложизненных ориентаций и ценностей лиц, совершивших суицидальную попытку, и социально-экономических условий жизнедеятельности населения Алтайского края. Отмечено, что суицидальные попытки являются катализатором для реакции переосмысления смысложизненных ориентаций, анализа предыдущей жизни и выработки новых ориентаций для будущей жизни. Выявление дезорганизующих факторов, ведущих к конфликтным ситуациям, социальной напряженности, проблема их снятия или смягчение, разработка и реализация профилактических программ нужда-

ются в серьезном научном обеспечении, требуют и новых подходов, и совершенно иных масштабов развития социального знания.

Keywords: *social and economic conditions, suicidal behavior, factors of suicidal risk, social-economic welfare, living standards.*

The general data on social-economic welfare of the population that cause the peculiarities of the spread of suicidal behavior is presented; the reasons of the suicidal situation of social, economic and other nature are discussed. Theoretical material on social-economic determinants of suicidal risk is presented.

The comprehensive assessment of life-purpose orientations and values of suicide attempters, and the social and economic conditions of the population of the Altai Region is presented. It is pointed out that suicide attempts are a catalyst for the reaction of rethinking life-purpose orientations, the analysis of the previous life and the development of new orientations for the future life. The identification of disorganizing factors leading to conflict situations, social tension, the problem of their removal or mitigation and the development and implementation of prevention programs require serious scientific support, new approaches and a completely different scale of development of social knowledge.

Максимов Максим Борисович, к.м.н., Алтайский государственный университет. E-mail: maxbmax@rambler.ru.

Черепанова Мария Ивановна, к.п.н., доцент, каф. психологии коммуникаций и психотехнологий, Алтайский государственный университет. E-mail: cher_67@mail.ru.

Максимова Светлана Геннадьевна, д.с.н., проф., зав. каф. психологии коммуникаций и психотехнологий, Алтайский государственный университет. E-mail: svet-maximova@yandex.ru.

Maksimov Maksim Borisovich, Cand. Med. Sci., Altai State University. E-mail: maxbmax@rambler.ru.

Cherepanova Mariya Ivanovna, Cand. Pedagogic Sci., Assoc. Prof., Chair of Psychology of Communications and Psycho-Technologies, Altai State University. E-mail: cher_67@mail.ru.

Maksimova Svetlana Gennadyevna, Dr. Sociol. Sci., Prof., Head, Chair of Psychology of Communications and Psycho-Technologies, Altai State University. E-mail: svet-maximova@yandex.ru.

Актуальность

Суицид – социальная проблема, решение которой актуально для любого общества во все времена. Уровень самоубийств стране зависит от множества факторов, в том числе социально-экономических и политических, которые являются основой формирования социальной политики государства. С начала 90-х годов XX в. Российская Федерация прочно занимает лидирующие позиции в мире по высокому уровню суицидальной активности населения. В 2008 г. в нашей стране совершили суицид 38500 граждан. Каждый день от самонасилия погибало 106 человек. Если учесть, что от фатального поступка конкретного индивида страдают ещё до 6 человек из ближайшего окружения, то масштаб проблемы становится поистине впечатляющим. Также не стоит забывать и о суицидальных попытках, которые служат тяжёлым бременем для системы здравоохранения, образования и социального обеспечения России.

В условиях стремительно изменяющейся социальной реальности, требующей столь же быстрой адаптации, субъекты социальной жизни лишены традиционных форм социального порядка, определенности и стабильности и оказываются один на один с неопределенностью, непредсказуемостью и риском. А поскольку в современном обществе риск продуцируется самими социальными институтами – экономикой, наукой, политикой и прочим, то он превращается в фатальную угрозу жизнедеятельности большинства категорий населения. Как интегральная характе-

ристика современности из вопроса персональной судьбы он превращается в явление социальное, имманентно присущее всем обществам на стадии высокого модернизма [1-3].

Возникновение у человека идеи о самоубийстве, процесс принятия решения о совершении этого акта, его социальная и психологическая мотивация, различия в мотивах, позволяющие выделить разные типы самоубийств, – эти и многие другие вопросы, к сожалению, и сегодня не утрачивают своей актуальности, продолжая оставаться сложным для ответа по многим основаниям.

На самом деле глубинные источники девиации, указанные классиками социологии, в принципе остались прежними. Они лишь сместили свою локализацию, переместившись из крупных городов в провинцию под влиянием тех трансформационных процессов, которые сопровождали коренную ломку общественного и экономического строя в нашей стране в конце 1980-х и особенно в 1990-е годы. Хроническая безработица на селе, постоянная ее угроза в малых и средних городах области, прогрессирующая бедность, углубление материального и социального неравенства, наиболее остро затронувшие провинциальную молодежь, блокирование возможностей достижения желаемых социальных позиций при отсутствии четких и всеми соблюдаемых правил игры в экономической и политической жизни общества вызвали общее разочарование, чувство незащищенности и тем самым способствовали распространению образцов самодеструктивного поведения в

молодежной среде. Следовательно, есть основания утверждать, что в российской глубинке сегодня сложился тот же самый «ситуационный синдром», который столетие назад стимулировал драматический рост самоубийств в крупных городах и мегаполисах. Вместе с тем материалы исследования А.И. Мягкова, И.В. Журавлевой и др. показывают, что тип локальности и размеры населенного пункта – это вторичные факторы по отношению к социальным и экономическим.

В результате социологического исследования, проведенного А.Ю. Мягковым, И.В. Журавлевой и др., выявлено, что все 100% из числа опрошенных респондентов, состоящих на учете в центрах занятости и являющихся, таким образом, официально зарегистрированными безработными, ранее уже совершали попытки самоубийства [4]. Кроме того, в этой группе наблюдается и более выраженная суицидальная готовность по сравнению с теми, кто в настоящий момент учится и работает, а также теми, кто давно уже бросил учебу и никогда не работал: 14,7% молодых людей этой группы, в отличие от 10,3% второй и 8,7% третьей из указанных категорий, в принципе не исключают для себя возможности повторения аутоагрессивных действий. Это еще раз подтверждает правомерность известного вывода о том, что источником суицидального поведения в конечном счете выступает не безработица как таковая, а понижение социального статуса человека и наступающая в связи с этим трудовая и социальная дезадаптация. Специальные исследования свидетельствуют, что суицидальные тенденции начинают активно формироваться тогда, когда иные способы приспособления личности к экстремальной жизненной ситуации уже исчерпаны. В этих случаях самоубийство оказывается закономерным следствием фрустрации значимых потребностей и эмоционально-психологического срыва, наступающего в результате воздействия социально-экономических стрессоров. Самоубийца отрицает не саму по себе жизнь, а ее нежелательный вариант, предлагаемый судьбой.

Уровень жизни и материальное благосостояние – еще один «структурный» фактор, часто обсуждаемый в связи с проблемой самоубийств. Уровень доходов опосредует влияние экономики на суицидальное поведение. Однако характер и направленность этого влияния до конца не выяснены: результаты эмпирических исследований на эту тему довольно противоречивы [5, 6].

Все это подчеркивает значимость научного осмысления суицидального поведения населения, и прежде всего, в контексте социально-экономических условий формирования

суицидальной активности, так как именно этот уровень анализа позволяет актуализировать социальный аспект управления, контроля и минимизации данной проблемы [7-9].

Целью исследования явилось сопоставление смысложизненных ориентаций и ценностей лиц, совершивших суицидальную попытку и социально-экономических условий жизнедеятельности населения Алтайского края.

Объекты и методы

Выборка исследования включала 60 пациентов КГБУЗ «Городская больница № 3, г. Барнаул» в возрасте от 15 до 70 лет, совершивших суицидальную попытку.

Методы исследования

Изучение смысложизненных ориентаций суицидентов в региональном социуме было основано на применении психосемантического подхода: в задачу психосемантики входит реконструкция индивидуальной системы значений, через призму которой происходит восприятие субъектом мира, других людей, самого себя, а также изучение ее генезиса, строения и функционирования. Психосемантика исследует различные формы существования значений в индивидуальном сознании (образы, символы, коммуникативные и ритуальные действия, а также словесные понятия). Экспериментальная парадигма психосемантики в основе своей заимствована из работ по построению семантических пространств Ч. Осгуда (так называемый метод семантического дифференциала) и теории личностных конструктов Дж. Келли (метод репертуарных решеток) и включает в себя использование аппарата многомерной статистики для выделения категориальных структур сознания субъекта (тест «Смысложизненные ориентации» Д.А. Леонтьева).

Результаты и обсуждения

В рамках проведенного социально-психологического исследования были проанализированы особенности смысложизненных ориентаций лиц, совершивших суицидальную попытку, проживающих в Алтайском крае, в социальных представлениях в «прошлом», «настоящем» и «будущем».

В зависимости от возраста респонденты были разделены на три группы: 1-я – молодое поколение (15-30 лет); 2-я – среднее поколение (31-50 лет); 3-я – старшее поколение (от 51 года).

В группе лиц молодого поколения доминируют следующие показатели, в социальных представлениях в «прошлом»: «Жизнь кажется мне всегда волнующей и захватывающей» ($5,2 \pm 1,82$), «Я полагаю, что человек имеет возможность осуществить свой жизненный выбор по своему желанию» ($5,73 \pm 2,01$),

«Моя жизнь в моих руках, и я сам управляю ею» ($5,33 \pm 2,05$), «Активный» ($5,53 \pm 2,23$), «Энергичный» ($5,8 \pm 1,69$), «Упрямый» ($5,33 \pm 1,87$).

В социальных представлениях в «настоящем» молодые люди выделили следующие смыслообразующие ориентации: «В жизни я имею очень ясные цели и намерения» ($4,46 \pm 2,5$), «Я человек очень обязательный» ($4,46 \pm 2,38$), «Я полагаю, что человек имеет возможность осуществить свой жизненный выбор по своему желанию» ($4,46 \pm 2,77$), «Я определенно могу назвать себя целеустремленным человеком» ($4,73 \pm 2,43$), «Общительный» ($5,33 \pm 2,25$), «Моя жизнь в моих руках, и я сам управляю ею» ($5,13 \pm 2,32$).

В социальных представлениях в «будущем» преобладают следующие смыслообразующие ориентации: «Когда я уйду на пенсию, я займусь интересными вещами, которыми всегда мечтал заняться» ($6 \pm 2,07$), «Моя жизнь наполнена интересными делами» ($6,2 \pm 1,61$), «Я человек очень обязательный» ($6,53 \pm 0,83$), «Я полагаю, что человек имеет возможность осуществить свой жизненный выбор по своему желанию» ($6,73 \pm 0,45$), «Энергичный» ($6,53 \pm 0,74$), «Упрямый» ($6,33 \pm 1,29$).

Согласно полученным данным, респонденты, относящиеся к группе «молодежь» как в социальных представлениях в прошлом и настоящем, так и в будущем осуществляют жизненный выбор самостоятельно. Можно предположить, что суицидальная попытка в этом случае является способом демонстрации возможности самостоятельного выбора, особенно это характерно для респондентов в возрасте от 15 до 20 лет, так как именно для этого возрастного периода характерно стремление к демонстрации так называемой «самостоятельности и зрелости».

В своих представлениях о прошлом можно отметить активную жизненную позицию респондентов: большинство молодых людей считают себя упрямыми и общительными, активными, а свою жизнь – наполненной интересными делами.

В настоящем у респондентов поведенческие характеристики «Энергичный», «Упрямый» сменяются характеристикой «Общительный» ввиду подавленного состояния респондентов, вялости и соматических расстройств, как последствий суицидальной попытки и одновременно потребностью в общении с близкими людьми.

Таким образом, после совершения суицидальной попытки у представителей молодого поколения временно ослабевают поведенческие характеристики, однако после лечения и социально-психологической реабилитации появляются новые цели и ориентации на продуктивную жизнь в будущем. У представите-

лей молодого поколения, поведенческие характеристики ослабевают на момент пребывания в больнице (в настоящем).

В отличие от группы «молодое поколение», в группе «среднее поколение» во всех периодах жизни остаются неизменными осознанность и целеустремленность жизни, и самостоятельность в осуществлении жизненного выбора.

Для лиц среднего возраста в прошлом характерны энергичность, активность, целеустремленность, наличие в жизни ясных целей и намерений в совокупности с осмысленностью жизни, осуществление жизненного выбора по своему желанию. Осознание себя обязательным человеком.

Для респондентов данной возрастной категории эти характеристики практически неизменны после осуществления суицидальной попытки. В настоящем поведенческие характеристики (энергичность, активность, целеустремленность) заменяются позицией «Я – достойный человек». Чувство осмысленности и целеустремленности жизни и самостоятельного жизненного выбора остается неизменным.

Наиболее характерны для представителей старшего поколения в категории «прошлое»: «Энергичный» ($5,5 \pm 3$), «Активный» ($5,5 \pm 3$), «Я определенно могу назвать себя целеустремленным человеком» ($5,25 \pm 2,36$), «Мои жизненные взгляды вполне определились» ($5,25 \pm 2,06$).

В настоящем и будущем в представлениях представителей старшего поколения поведенческие характеристики отсутствуют, наиболее выражены следующие показатели: «Если бы мне пришлось сегодня подводить итог своей жизни, то я бы сказал, что она была вполне осмысленной» (настоящее – $5,5 \pm 3$; будущее – $6,25 \pm 1,5$), «Если бы я мог выбирать, то я бы построил свою жизнь совершенно иначе» (настоящее – $4,75 \pm 2,87$; будущее – $5,5 \pm 1,73$), «Мои жизненные взгляды вполне определились» (настоящее – $5,5 \pm 3$; будущее – $5,75 \pm 2,5$).

Выраженность данных показателей объясняется тем, что старшее поколение ориентировано на подведение итогов жизни и большинство представителей данной группы считают свою жизнь осмысленной, однако не удовлетворены всей своей прошлой жизнью. Так же большинство респондентов определились в своих жизненных взглядах и нашли свое призвание. В настоящем и будущем представители старшего поколения не видят новых целей и ориентированы на выполнение повседневных дел.

У группы лиц старшего поколения после совершения попытки суицида можно наблюдать появление ориентации на подведение итогов жизни и сожаление о нереализован-

ных жизненных планах, желание прожить жизнь иначе, что может служить причиной суицида, также у представителей старшего поколения во всех периодах выражен показатель «Я человек очень обязательный», это говорит о том, что респонденты данной группы ответственно относятся к выполнению своих обязанностей.

Суицидальные попытки являются катализатором для реакции переосмысления смысло-жизненных ориентаций, анализа предыдущей жизни и выработки новых ориентаций для будущей жизни. Согласно полученным данным смысложизненные ориентации большинства суицидентов меняются в сторону поиска новых целей в жизни и общению. Это свидетельствует о том, что независимо от социально-демографических характеристик, у респондентов после совершения попытки суицида и прохождения лечения и социально-психологической реабилитации появляется потребность в реализации собственного потенциала через поиск новых, интересных жизненных целей. Исключение составляют суициденты группы «старшее поколение». По полученным данным на характеристики поведения респондентов в настоящем оказывает решающее влияние их нахождение в больнице.

Как все виды социальных девиаций, самоубийства чутко реагируют на степень социальной и экономической дифференциации населения и темпы ее изменения. Чем выше степень дифференциации, тем выше показатели суицидального поведения.

Анализ смысложизненных и ценностных ориентаций людей, совершивших суицидальные попытки, в современном регионе России, требует более серьезного рассмотрения. Выявление дезорганизующих факторов, ведущих к конфликтным ситуациям, социальной напряженности, проблема их снятия или смягчение, разработка и реализация профилактических программ нуждаются в серьезном научном обеспечении, требуют и новых подходов, и совершенно иных масштабов развития социального знания.

Библиографический список

1. Морев М.В., Любов Е.Б. Социально-экономический ущерб вследствие смертности населения от самоубийств // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2011. – № 6 (18). – С. 119-130.
2. Процык В.А. Суицидальные проявления при психических расстройствах у лиц старше 45 лет: автореф. дис. ... к.м.н. – Харьков, 1992. – 25 с.
3. Черепанова М.И. Социальные условия и факторы суицидального поведения молодежи // Известия АлтГУ. – 2010. – № 1/2. – С. 231-234.

4. Мягков А.Ю., Журавлева И.В., Журавлева С.Л. Суицидальное поведение молодежи: масштабы, основные формы и факторы // Социологический ж-л. – 2003. – № 1.

5. Максимова С.Г., Авдеева Г.С., Гончарова Н.П., Ноянзина О.Е., Омельченко Д.А., Черепанова М.И., Кайзер Н.Ю. Анализ рисков аспектов социального поведения населения Алтайского края // Известия АлтГУ. – 2011. – № 2/2. – С. 231-235.

6. Максимова С.Г., Ноянзина О.Е., Гончарова Н.П., Максимов М.Б. Социальные девиации в рейтинге угроз сохранения безопасности социально-экономического развития региона (на примере социологического исследования населения Алтайского края) // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. – 2013. – № 9. – С. 111-114.

7. Максимова С.Г. Социально-экономические и социально-политические угрозы безопасности в оценках населения приграничных регионов России // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. – 2012. – № 12 (98). – С. 132-137.

8. Platt L., Sutton A.J., Vickerman P., Koshkina E., Maximova S., Latishevskaya N., Hickman M., Bonell C., Parry J., Rhodes T. Measuring risk of HIV and HCV among injecting drug users in the Russian Federation // European Journal of Public Health. – 2009. – Vol. 19 (4). – P. 428-433.

9. Морковкин Г.Г., Деев Н.Г., Демин В.А. Инновационный путь развития – реальная перспектива для Алтайского края // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. – 2006. – № 5. – С. 7-10.

References

1. Morev M.V., Lyubov E.B. Sotsial'no-ekonomicheskii usherb vsledstvie smertnosti naseleniya ot samoubiystv // Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz. – 2011. – № 6 (18). – S. 119-130.
2. Protsyk V.A. Suitsidal'nye proyavleniya pri psikhicheskikh rasstroystvakh u lits starshe 45 let: avtoref. dis. ... k.m.n. – Khar'kov, 1992. – 25 s.
3. Cherepanova M.I. Sotsial'nye usloviya i faktory suitsidal'nogo povedeniya molodezhi // Izvestiya AltGU. – 2010. – № 1/2. – S. 231-234.
4. Myagkov A.Yu., Zhuravleva I.V., Zhuravleva S.L. Suitsidal'noe povedenie molodezhi: Masshtaby, osnovnye formy i faktory // Sotsiologicheskii zhurnal. – 2003. – № 1.
5. Maksimova S.G., Avdeeva G.S., Goncharova N.P., Noyanzina O.E., Omel'chenko D.A., Cherepanova M.I., Kaizer N.Yu. Analiz risk-aspektov sotsial'nogo povedeniya naseleniya Altaiskogo kraya // Izvestiya AltGU. – 2011. – № 2/2. – S. 231-235.

6. Maksimova S.G., Noyanzina O.E., Maksimov M.B., Goncharova N.P. Sotsial'nye deviat'sii v reitinge ugroz sokhraneniya bezopasnosti sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya regiona (na primere sotsiologicheskogo issledovaniya naseleniya Altaiskogo kraya) // Vestnik Altaiskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. – 2013. – № 9. – S. 111-114.

7. Maksimova S.G. Sotsial'no-ekonomicheskie i sotsial'no-politicheskie ugrozy bezopasnosti v otsenkakh naseleniya prigranichnykh regionov Rossii // Vestnik Altaiskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. – 2012. – № 12 (98). – S. 132-137.

8. Platt L., Sutton A.J., Vickerman P., Koshkina E., Maximova S., Latishevskaya N., Hick-

man M., Bonell C., Parry J., Rhodes T. Measuring risk of HIV and HCV among injecting drug users in the Russian Federation // European Journal of Public Health. – 2009. – Vol. 19 (4). – P. 428-433.

9. Morkovkin G.G., Deev N.G., Demin V.A. Innovatsionnyi put' razvitiya – real'naya perspektiva dlya Altaiskogo kraya // Vestnik Altaiskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. – 2006. – № 5. – S. 7-10.

Работа выполнена при финансовой поддержке Гранта РГНФ № 14-13-22010 «Социальные риски воспроизводства суицидального поведения в региональном социуме (на примере исследований в Алтайском крае)» 2014-2015 гг.



УДК 637/1(450.55)

Н.Л. Наумова, А.Е. Вашецкая, В.Ф. Дружкова
N.L. Naumova, A.Ye. Vashetskaya, V.F. Druzhkova

АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ ПРОИЗВОДСТВА ЦЕЛЬНОМОЛОЧНОЙ ПРОДУКЦИИ В РЕГИОНАЛЬНОМ АСПЕКТЕ

THE ANALYSIS OF WHOLE-MILK PRODUCTION DEVELOPMENT IN REGIONAL CONTEXT

Ключевые слова: молочные продукты, объемы производства, объемы потребления, инвестиционная деятельность, ассортимент, функциональные компоненты, обогащенные продукты питания.

Представлены результаты изучения статистических данных, характеризующие темпы промышленного производства и развития молочной отрасли в Челябинской области. В результате установлено, что за период 2000-2012 гг. объемы производства молочной продукции увеличились в 1,5 раза, среднегодовой темп роста составил 5,8%. В 2009-2012 гг. объемы производства питьевого молока возросли на 17,4%, кисломолочных напитков – на 28,4%, творожных изделий – на 17,6%, творога – на 12,6%, кисломолочных обогащенных продуктов – на 22,7%. Доля производства обогащенной продукции в общем объеме производства молочных продуктов по области составила 1,2%. Количество обогащенных молочных изделий, реализуемых в розничных торговых сетях г. Челябинска, составило 118 наименований. Основу группы обогащенной продукции представляют йогурты и кисломолочные напитки, содержащие пробиотики. Потребление молокопродуктов на жителя Челябинской области в 2012 г. составило 189,0 кг, что ниже нормы, рекомендуемой медициной, в 1,7-1,8 раза. Доля ввозимой продукции в ресурсах молока и молокопродуктов составила 23,2% или 42663,1 т, при этом вывезено за пределы области было 749,0 т цельномолочной продукции. На протяжении последних пяти лет производственные мощности предприятий молочной отрасли были использованы на уровне 58-60%. При этом основные фонды

предприятий изношены на 48,8%, коэффициент обновления основных фондов составил 19,5%, а коэффициент ликвидации – 1,3%. По совокупности результатов исследований установлена возможность и необходимость производства молочной продукции, обогащенной селеном и комплексом витаминов, на местных молокоперерабатывающих предприятиях. В ходе проведения комплексных исследований по изучению влияния пищевой добавки «Селексен» и витаминных премиксов 963/7 и ADE на качество модельных образцов пастеризованного молока и творога, разработаны новые виды продукции: молоко питьевое пастеризованное «Никитинское» и творог «Богатырский», обогащенные селеном и витаминами. Употребление с пищевым рационом 200 мл обогащенного молока позволит удовлетворить не менее 45% от суточной физиологической потребности взрослого человека в селене и не менее 20-45% – в витаминах B₆, B₃, B_c, C, PP. Употребление 100 г обогащенного творога позволит удовлетворить не менее 45% от потребности взрослого человека в селене и не менее 16-45% – в витаминах A, D₃, E.

Keywords: dairy products, production volumes, consumption volumes, investment, product range, functional components, enriched foods.

The statistical data analysis of the rates of commercial production and dairy industry development in the Chelyabinsk Region is presented. The following was found: over the 2000 to 2012 period the volumes of dairy production increased 1.5 times and the compound annual growth rate made 5.8%. Over the 2009 to 2012 period the production volumes of